

УДК 82/821.0

«УСТАЛОСТЬ» ОТ ВЫМЫСЛА, ИЛИ О СИНТЕЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ДОКУМЕНТАЛЬНОГО В ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

© В.Н.Крылов

В статье рассмотрены некоторые тенденции изменения художественного мышления рубежа XIX – XX веков, вопросы синтеза документального и художественного в жанровой системе, а также литературно-критические дискуссии данного периода.

Ключевые слова: вымысел, документ, В.В.Розанов, З.Н.Гиппиус, Д.В.Философов, самоубийство.

Литературу Серебряного века (по преимуществу модернистскую) обычно рассматривают как своего рода металитературу, с повышенной степенью условности, как отражение в текстах других культур и литератур. Однако в эту эпоху происходили очень интересные и перспективные теоретические и практические (собственно художественные) поиски новых путей достижения подлинности. Проблемы документа и его роли в литературе, вопрос о границах литературы, пути преодоления кризиса литературы – эти и другие вопросы стали в Серебряном веке предметом пристальных теоретических рефлексий. Остановимся на некоторых из них. Приведем размышления В.В.Розанова: «Странное чувство отращения и вместе связанности с литературой никогда не покидало меня, не покидает особенно в последние годы. Я пишу – как доношу до конца давно тяжелую ношу <...>. Литература отняла у меня все, что я любил, что я уважал: непосредственную жизнь; и замешала меня в то, что я никогда не уважал и не любил: во внешнюю объективную жизнь. От этого писал я всегда с враждою к самому писанию и к предметам писания. Кажется, отсюда же чувство литературного моего отращения. Литература была для меня тюрмой, закрывшей свет солнца; людей, которых я любил; природу. Зеленое поле письменного стола – вот для меня природа, круг друзей» [1: 33]. В «Опавших листьях» В.В.Розанов скажет: «Не литература, а литературность ужасна, литературность души, литературность жизни <...>. Вот почему литературы, в сущности, не нужно <...>. Нужна вовсе не великая литература, а великая, прекрасная и полезная жизнь. А литература может быть и "кой-какая", "на задворках" <...>. Может быть, мы живем в великом окончании литературы» [2: 79]. Высказывания В.В.Розанова – крайнее выражение антилитературности, антилитературных выпадов, о чем много написано в исследованиях о нем.

Но если обратиться к высказываниям других, менее радикальных современников, то оказывается, что это – общее настроение, общая тенденция эпохи. Оно, в частности, свойственно таким тонким, рафинированным художникам, как З.Н.Гиппиус, Д.В.Философов¹. В Серебряном веке много размышляли, что первенствует, что является наиболее важным для читателя сейчас: документ или литература? Вот, например, очень показательное для постреволюционной ситуации рассуждение З.Н.Гиппиус (в 1908 г. она вела в журнале «Русская мысль» рубрику «Из дневника журналиста»): «Моя тема шире литературы <...>. Литература – лишь одна из областей для исследования. Она помогает исследованию, но <...> надо выбирать из нее вещи *наименее литературные*: они ценнее. Они ближе к жизни. Они – *почти человеческие документы*, а это-то в данном случае нам и важно. Блок, даже Городецкий, их сборники стихов – характерны в своем роде, но сейчас нам не нужны. У Городецкого, помимо таланта, столько еще чистой литературщины, что до него и не доберешься. На нем осела вся копоть петербургской литературной среды. Леонид Андреев – и тот для данного случая интереснее. Хотя он, в общем, сильно отстал от наиболее острых переживаний молодежи, – но имеет с нею фактическую связь, и его «художественные» произведения, благодаря их оголенности от литературы, их откровенной, естественной неискренности – интереснее, документальнее Блоков и Вячеславов Ивановых. А еще интереснее – там и сям разбросанные отрывки подлинных «рефератов» молодежи, беспомощные, «понедельничные» статейки в «Руси», иногда неумело опрарвленные в литературную форму рассказа» [3: 305] (курсив наш – К.В.). Это рассуждение связано с

¹ В критике Серебряного века много завыченных слов («литература», «литературщина»), выражающих собой ироническое отношение к литературе в ее противопоставлении подлинной, реальной жизни.

двумя жизненными и литературными проблемами того времени: 1) с вопросом о молодежи, о падении нравов в молодежной среде (об этом много писали тогда) и 2) с оценкой литературных опытов молодых писателей («подлинных "рефератов" молодежи»), создававших своеобразные «тексты жизни». В эпоху так называемой реакции, наступившей после I-й русской революции, очень понизился уровень общественной нравственности, стали обыкновенными убийства, грабежи, в массы проникла жажда потрясающих ощущений, зрелищ. Д.В.Философов писал (в рецензии 1909 г. на повесть Б.Савинкова «Конь Бледный»): «Мы привыкли к литературным ужасам. Нас приучил к ним Леонид Андреев, Сергей-Ценский и многие-многие другие. Наконец, современная русская действительность полна такими кошмарами, что мы потеряли всякое мерило нормальной, здоровой жизни. Ничему больше не удивляемся. Личность превратилась в статическую единицу. Холера, самоубийства, убийства, смертные казни перестали быть реальностью, приняли форму статистических табличек, которые мы равнодушно просматриваем, а часто даже и не просматриваем, в "скучных" газетах. Не верится, что где-то люди смеются, играют, веселые, живут нормальной жизнью. Слишком много судьба взвалила на поколение, которое сознательно пережило внешний и внутренний разгром последних годов. Может быть, этому поколению никогда уже не прийти в себя. Если оно и выздоровеет, — все-таки останется увечным, с ущемленной душой» [4: 276-277] (как современно звучат эти слова из 1909 г.!).

Действительно, тогдашняя пресса много писала о молодежи. На страницах журнала «Русская школа» в 1907 – 1908 гг. прошла серия статей Г.Аграева, посвященных болезненному состоянию молодежи (в частности, речь шла о появлении в российских городах различных обществ «Огарки», «Лови момент» и др.)².

² «В Киеве появилось общество «Дарефа» (или «Дорефа»), соперничавшее в своей блудливой деятельности с «Обществом любителей матчиша». Эти два громких по деятельности общества заслоняли более скромную, но достаточно вредную организацию молодежи, действовавшую под названием «Мистики». В Минске прогремел на всю Россию и даже пробрался со своею славою за границу «Дом любви», заставивший и там призадуматься над уродливыми течениями в среде русской молодежи. Николаев дал «Лигу любви», которая в Екатеринославле, Воронеже и Полтаве украсилась более импозантным наименованием — «Лига свободной любви». В Томске студенты воскресили память забытых было орловских «Огарков»,

Интенсивность общественной жизни начала XX века (особенно после 1905 г.) приводит к тому, что литература вымысла уходит на второй план, возрастает роль «текстов жизни», они оказываются нередко важнее вымысла. Как отмечал обозреватель газеты «Москвич», «за самые последние, тревожные, полные неожиданностей и громадных событий месяцы, изящная литература как-то всецело оттеснилась на задний план. Вопросы дня, вопросы жгучей современности захватили все, все поработили» [6: 1]. С ним перекликается Д.В.Философов. Размышляя о влиянии революции на литературу, он писал: «Простые жизненные факты, рассказанные в любой газете, убивали всякую литературу, всякое "художественное" их изображение. Никому из наших писателей не удавалось возвыситься над событиями, взглянуть на них в известной перспективе» [4: 277].

Можно говорить о том, что тенденция «поляризации вымысла и правды, зачастую столь мирно неразлучных в бальзаковско-натуралистическую пору» [С.Великовский, цит. по 7: 137], вызревала уже в начале XX века. С этим мы связываем несколько особенностей литературной жизни начала века:

во-первых, увеличение удельного веса документальных текстов в периодике и неподдельный интерес писателей первого ряда к подлинным текстам. Эту особенность подметил Д.В.Философов в статье «Декадентские мужички»: «Толстые журналы, а в особенности исторические, дорожат перепиской знаменитых людей и с радостью печатают письма Тургенева, Герцена, Достоевского или Чернышевского. Но теперь появилась новая мода. Литераторы, пользующиеся известностью, приводят в своих статьях выдержки из писем людей неизвестных, из писем простых крестьян» [4: 170]. Далее Д.В.Философов приводит в качестве примера статью А.А.Блока «Литературные итоги 1907 года» (журнал «Золотое Руно»), где включены отрывки из письма одного молодого крестьянина дальней северной губернии³;

во-вторых, общая демократизация литературы, приход в литературу непрофессионалов. Эту особенность точно зафиксировала Е.А.Колтоновская в статье «Литература и "писатели из на-

действовавших под девизом «Пиво и воля». В Петербурге и Москве одно время нашумело общество «Лови момент». В Казани недавно было раскрыто соответствовавшее петербургскому изобретению учреждение "Минута"» [5: 1].

³ «Декадентским мужичком», ответившим А.А.Блоку, оказался Н.А.Клюев.

рода”»: «Характерной чертой нынешней литературы является то, что она «демократизируется» – не в серьезном, идейном смысле этого слова, а в обыденном, уличном. На роль писателя претендует читатель, прежде такой пассивный и безмолвный. Дилетант-обыватель постепенно вытесняет литератора-специалиста <...>. Журналы заполнены всякими дилетантскими произведениями – дневниками, воспоминаниями, повестями из личной жизни и т.п. Писатели по призванию, по профессии тонут среди них, как капли в море <...>. Пишут в обилии, энергично стучатся в литературу, требуют от писателей, чтобы те поменялись с ними ролями и занялись чтением их творчества» (к слову, задолго до РАППА. – К.В.) [8: 169]. Е.Колтоновская полагает, что «литературе все это сырье совершенно не нужно: простой хлам! Но как материал, как непосредственный голос жизни, обывательские произведения иногда бывают интересны» [8: 169]. Это не что иное, как функционирование чистых (первичных) жанров на уровне повседневной жизни. Они могут принадлежать кому угодно, поскольку «входят в культуру как бы с черного хода» [9: 18]. Однако появление такого рода текстов порождало и «завышенные» оценки критикой «новичков» в литературе (таковы оценки романа Б.Савинкова «Конь Бледный» З.Н.Гиппиус и Д.В.Философовым);

в-третьих, литературная критика Серебряного века, много размышляя над необходимостью преодоления черты между искусством и жизнью, занималась сопоставлениями документальных свидетельств, реальных фактов и их художественных отображений. Литература начала века стремится отразить быстро текущую действительность, поэтому во многих текстах узнается (в той или иной мере) документальная основа⁴. Иногда кажется удивительным сходство писательских размышлений о современной жизни и публицистики начала века.

Возьмем такую, к сожалению, актуальную ныне тему, как молодежный суицид. Сегодня об этом много пишут⁵. Но и 100 лет назад в России подростки тоже много думали о смерти. Тема суицида обсуждалась в публицистике, критике,

⁴ В этом отношении особенно интересны произведения Л.Н.Андреева («Тьма», «Рассказ о семи повешенных» и др.). Показательна, например, и оценка ряда «громких» произведений Л.Н.Андреева, рожденных под воздействием реальных событий начала века (неприятие М.Горьким финала «Тьмы»).

⁵ Так, недавно популярный журнал «Русский репортер» на обложку своего номера вынес заглавие «Шагнуть за паранет. Почему современные подростки много думают о смерти?» [10].

газетах и журналах, она становилась предметом художественного исследования (в этом смысле литература Серебряного века должна быть заново прочитана). Добровольный уход из жизни приобретает в это время характер эпидемии, и многие пытались выяснить причины этого. Вот свидетельство из статьи «Недуг молодежи»: «Участились не только самоубийства, но и случаи простого убийства учащихся. Так, в один день, 10 мая, в петербургских газетах мне пришлось встретить сообщения о следующих случаях: 1) в Переяславле, на еврейском кладбище, 19-летний реалист Карет застрелил гимназистку 6-го класса Двуречную, а затем застрелился сам; 2) в Варшаве хорунжий Попов из-за ничтожного повода застрелил 18-летнюю гимназистку Чиж; 3) в г. Скобелеве некий З. явился утром в мастерскую, где снимала комнату дочь канадского еврея-портного, гимназистка выпускного класса 19 лет, вместе со своей меньшей сестрой, также гимназисткой. <...> Выстрелом из револьвера гость уложил на месте старшую, а затем убил и себя. Переяславль, Варшава и Скобелев! Три конца России! Почти одинаковая обстановка убийства, одинаковые причины, возрасты убитых – и все гимназистки. Что-то фатальное! Жизнь страшно обесценивается, смысл ее совершенно утрачивается, самого ничтожного пустяка достаточно для убийства, самоубийства или того и другого вместе» [5: 6-7]. Те же размышления в рассказе З.Н.Гиппиус «Лунные муравьи». Документальной основой текста З.Н.Гиппиус становятся типичные жизненные факты. Интересно и «сходство» размышлений в публицистике и у З.Н.Гиппиус: «И никакой самоубийственной психологии нет. Жакетку украли – одна причина. Жизнь такая – еще причина. Нет причины – тоже причина» [11: 11]. По форме рассказ представляет собой имитацию дневника, в котором безымянный герой ведет печальную статистику самоубийств: он встречается в трактире с приятелями самоубийц (приятели – тоже потенциальные самоубийцы), получает письмо из Казани (отрывки из него приведены в рассказе), в котором сообщается о самоубийстве редактора «Казанских вестей» и его жены, читает сообщения из газет, выписывает заметки из «Нового времени» («документы скучны, да назидательны») и интервью с профессором на эту тему [11: 14].

Серебряный век, таким образом, демонстрирует «усталость» от вымысла и явное возрастание документального начала. Это побуждает внести корректировки в картину развития документального начала в литературе XX века. Е.Г.Местергази, опираясь на П.В.Палиевского (одного из основателей академического изучения этой темы в нашей науке) и справедливо уточняя

отдельные пункты его концепции (П.В.Палиевский связывал распространение факта как документального явления с событиями Второй мировой войны), относит резкую перемену в отношении к факту и его ответную экспансию в литературу, по переименованному выражению Ю.Н.Тынянова, не к переломным 1940-м гг., а к Первой мировой войне и революции [7: 136]. Но, как свидетельствуют приведенные факты, тенденции этого вызревали еще раньше, в первое десятилетие XX века.

1. *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. – М.: Московский рабочий, 1990. – 876 с.
2. *Розанов В.В.* Собрание сочинений: в 30 томах. – М.: Республика, СПб.: Росток, 2010. – Т. XXX: Листва. – 592 с.
3. *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. – М.: Русская книга, 2003. – Т. VII: Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899 – 1916. – 528 с.

4. *Философов Д.В.* Критические статьи и заметки 1899 – 1916. – М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2010. – 680 с.
5. *Аграев Г.* Недуг молодежи // Русская школа. – 1908. – № 7 – 8. – С. 1 – 25.
6. Маска. Литература и жизнь // Москвич. – 1906. – 18 марта. – № 18. – С. 1.
7. *Местергази Е.Г.* Документальное начало в литературе // Теоретико-литературные итоги XX века: сб.ст. – М.: Наука, 2003. – Т. I: Литературное произведение и художественный процесс / глав. ред. Ю.Б.Борев. – С. 134 – 160.
8. *Колтоновская Е.А.* Критические этюды. – СПб., 1912. – 292 с.
9. *Местергази Е.Г.* Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 49 с.
10. *Скарлош С.* Смертельное непонимание. Почему российские подростки убивают себя? // Русский репортер. – 2012. – № 6(235). – С. 23 – 29.
11. *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. – М.: Русская книга, 2001. – Т. IV: Лунные муравьи: Рассказы. Пьесы. – 528 с.

«FATIGUE» OF IMAGINATION, OR SYNTHESIS OF FICTION AND NON-FICTION IN RUSSIAN LITERATURE OF THE SILVER AGE

V.N.Krylov

The article deals with some tendencies towards the changes in artistic mentality at the end of the 19th – the beginning of the 20th century. The author explores the synthesis of fictional and non-fictional in the genre system, and the literary and critical discussions of that period.

Key words: fiction, document, V.V.Rozanov, Z.N.Gippius, D.V.Philosophov, suicide.

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: krylov77@list.ru

Поступила в редакцию 01.06.2012